

Сатисфакция с умыслом

Что ж говорить, коль разгадана тайна?

Что ж пробуждаться, коль спится так сладко?

Все ведь, что нынче открылось случайно,

Новую завтра воскреснет загадкой...

/ Лев Эллис /

История эта произошла в середине девяностых прошлого столетия. В ту пору я был «зеленым» юристом, естественно, с амбициями. Начитавшись книг Эрла Гарднера о великом и ужасном Перри Мейсоне – лос-анджелесском адвокате, я мечтал стать похожим на него... Эх, молодо-зелено...

Итак, возвращаемся в прошлое, по историческим меркам – не такое уж далекое.

Город облетела ужасная весть: скончалась Ариадна Еремеевна Качинская, вдова известного профессора-историка Льва Тимофеевича Качинского, лауреата многих премий, уважаемого человека, не забытого до сих пор: на доме, где профессор-историк проживал, установлена памятная доска.

Ариадне Еремеевне на днях исполнилось восемьдесят девять, в ее смерти не было бы ничего удивительного – возраст, хронические заболевания и все такое, если бы не одно обстоятельство – Качинская умерла принудительной смертью. Точнее – скончалась от асфиксии: ее лишили жизни удушением.

Еще пару лет назад Ариадна Еремеевна вела бурную общественную жизнь - руководила благотворительным фондом, названным в честь ее покойного супруга. Фонд оказывал помощь и материальную поддержку молодым талантливым ученым, коим приходилось с трудом сводить концы с концами в то «веселое» время свободы с демократией вместе.

Качинскую боготворили. Как ей удавалось изыскивать средства для помощи ученым всех мастей, оставалось загадкой, но поговаривали, будто один хороший знакомый, бывший комсомольский лидер, а ныне полубизнесмен-полубандюган является основным меценатом фонда и подтягивает своих «коллег». «Комсомолец» был чем-то обязан покойному профессору истории, после его кончины не оставил без внимания его вдову. Звали главного

спонсора Евлампием Буриковым, среди своих попросту - Бур. Мужчина имел благообразную внешность, никак не ассоциирующуюся с его занятиями. Умные глаза с затаившейся порочностью вызывали жаркий интерес у некоторых особ женского пола, а большой нос с чуть вздернутым кончиком округлой формы никак не портил впечатления. В советское время соратники по комсомолу и по Коммунистической партии - и там он успел побывать - сравнивали его с молодым Энгельсом только без привычной растительности на лице – в молодые годы у основателя известной теории окладистой бороды еще не было. Вероятно, соратники льстили, как будто догадывались, в какую сторону «Энгельс» двинет и каких высот достигнет. В ту пору Евлампий был прямолинеен и критичен, что другим едва ли сошло с рук. Но именно прямолинейность и ложная критика «без разбора» позволяла подниматься по карьерной лестнице, обзаводиться нужными связями, так необходимыми в любое время.

Случилось так, как случилось: и большой страны не стало, и партия переродилась, и Буриков выбрал свою жизненную дорогу - те самые связи помогли. Взгляд Евлампия стал жестким и непримиримым. Только в присутствии Ариадны Еремеевны Буриков резко менялся, можно подумать, та была его родной матерью. Не была ни матерью, ни родней, но тайное желание хотя бы кому-то подчиняться и не ждать удара в спину превращали Евлампия в послушного мальчика. Может быть, старушка напоминала ему покойную бабушку, которая занималась его воспитанием и которую он любил и почитал. Бабка дожила до девяноста лет и постоянно устраивала «разбор полетов»: что внук не так сделал, что не так сказал и так далее. Евлампий дико злился, но помалкивал. О его «работе» старуха не догадывалась: она была старой бескомпромиссной коммунисткой со своими ценностями и идеалами. Почем свет костыляла демократов и убивалась по Советскому Союзу. Когда бабушка умерла, Буриков почувствовал себя одиноким и несчастным. Спустя время он осознал – жить стало легче, жить стало веселее, потому как можно ни на кого не оглядываться, ни за кого не волноваться. Оказывается, в одиночестве есть свои преимущества. Однако жизнь не только черно-белая, как полосатая зебра, но и противоречивая по осмыслению. Со временем чувство наслаждения - безмерной свободой, безотчетностью и наплевательством - потускнело, в душе появилась пустота, которую нужно было чем-то заполнить. К примеру, заботой о пожилom человеке, который, в отличии от властной бабки, не станет указывать ему как жить и что делать. Качинская пришла к нему с просьбой касательно работы фонда имени ее покойного супруга. Евлампий Ильич вспомнил Льва Тимофеевича, его доброе

отношение к нему и решил отплатить добром за добро. Ариадна Качинская показала ему умной и тактичной женщиной, которая, при особом отношении к ней, не станет переходить негласно установленных границ.

Что из себя представляет Евлапий Буриков, женщине было известно, как известно многим гражданам, более-менее интересующихся жизнью родного города. Ариадна Еремеевна долго готовилась к этой встрече, подбирала правильные слова. Если честно, она слегка побаивалась Бурикова. Причина была в его резкости и несдержанности. На подобные выпады Качинская реагировала не так, как все затравленные тихони. Она могла наговорить в ответ массу нелицеприятных вещей, о чем будет позже сожалеть и раскаиваться. Ну такая она уродилась и ничего с этим не поделаешь.

Положа руку на сердце, Ариадна особо не надеялась на положительный ответ потенциального спонсора, но выхода не было, рискнула, а риск, как известно, - благородное дело.

С той первой встречи и началась их дружба, многим непонятная. Евлампий рядом с Ариадной отдыхал душой, а ей нравилось его отношение к ней, полное заботы и внимания, от которых она успела отвыкнуть после смерти супруга, боготворившего ее. Лев Тимофеевич был подкаблучником, он беспрекословно подчинялся жене. С подчиненными и студентами профессор был жестким, даже деспотичным, а с женой – ручным и мягким. Злые языки намекали Ариадне, что во время своих частых экспедиций, ее муж заводит скоротечные романчики. Ариадна никак не реагировала. Будучи женщиной умной, делала вид, что не верит ни одному слову злопыхателей и корила их: зависть – плохое чувство. А завидовать было чему: прожив долгие годы, Качинские сохранили любовь и уважение друг к другу. О наговорах Ариадна ничего не говорила супругу, вообще никогда не устраивала сцен ревности. Зная свою натуру «без тормозов», считала лучшим отмолчаться, чтобы после не жалеть. Если даже и так – ходит налево, что с того?! Их брак будет только крепче, а ее цена только возрастет. Лев от нее никогда не уйдет к одной из своих любовниц – и это главное...

Перейдем от лирического отступления к прозе жизни...

Однажды с Ариадной Качинской случилась большая неприятность – она оступилась на ровном месте, упала и сломала шейку бедра. Была проведена успешная хирургическая операция – материальную помощь оказал Евлампий Ильич Буриков. После операции он же отправил женщину на реабилитацию в один известный медицинский центр.

Пройдя все круги полуада, как Ариадна сама считала, она вернулась в город в прежнем физическом состоянии, но, растеряв интерес к жизни. Теперь она постоянно чего-то опасалась: оступиться и упасть, косых взглядов, вопросов о здоровье, философских рассуждений о возрасте, перешептываний за ее спиной...

Пожилая дама, в недавнем прошлом позабывшая об истинном возрасте, вспомнила, сколько ей лет, приуныла и заточила себя в четырех стенах. За порогом ее поджидают одни неприятности, в родных стенах ей лучше и спокойнее, - рассудила она. Хотя, чего уж там, понимала: безрадостно и тут, и там. Везде.

Поначалу Ариадну Еремеевну донимали визитеры, но она быстро всех отвадила, привечала только двух человек. Одним был ни безызвестный Евлампий Буриков, а вторым - Тимур Роцин, младший сын близкого друга Льва Качинского, Олега Роцина, ученого-математика. Тимур пошел по стопам своего отца, занимал должность доцента на кафедре высшей математики университета экономики. Тридцатипятилетний кандидат наук был хорош собой, умен и прекрасно воспитан, так считала Ариадна Еремеевна, о которой Тимур заботился как о близкой родственнице. Кое-кто подозревал его в корысти, и слухи имели под собой основание: составленное на его имя завещание включало четырехкомнатную квартиру в центре города, ювелирные украшения, антиквариат и кругленькую сумму на банковском счете, выреченную от продажу дачи с огромным участком земли. Ариадна решилась-таки продать дом с участком, поддавшись уговорам своего соседа-натуровиша. Сделку лично контролировал Бур. Если у покупателя теплилась надежда обвести старушку вокруг пальца, то надежды быстро развеялись, когда на горизонте замаячила фигура «благообразного господина».

Качинская очень привязалась к Роцину-младшему, который оставался единственным человеком, связывающим ее с внешним миром. Буриков забегал все реже и реже, у него своих дел по горло, старушка это понимала и не обижалась.

Тимур Роцин пересказывал ей городские новости, терпеливо выслушивал ее воспоминания, баловал вкусностями. Однажды познакомил Ариадну со своей невестой. Хотя, молодая женщина не обладала привлекательной внешностью, но Качинская посчитала – именно такая жена Тимур и нужна: нежная, заботливая, любящая и некрасивая. Она будет боготворить своего мужа, поддерживать и не мешать, когда того требуют обстоятельства. Невесту звали

Ирина Вельветова, она была коллегой Тимура. Робкая девушка ступала при знакомстве и повела себя скованно. Ляпала невпопад, и Качинская поставила диагноз - полная дура, и покосилась на своего молодого друга, удивленно вскинув брови. Догадливый Тимур улыбнулся кончиками губ и обнадеживающе кивнул. Чего-чего, а резкости Ариадне было не занимать. И безразличие к жизни ничего в этом плане не изменили, напротив, приобрели коварные формы, выражающиеся в старческом брюзжании и постоянном недовольстве всем и вся. Она хотела забросать девицу жесткими вопросами, чтобы та быстро поняла, какая пропасть между нею и ее избранником. Но Тимур обладал необъяснимой властью, причину которой не могла объяснить сама вздорная старушенция. И теперешняя его полуулыбка и успокаивающий кивок сыграли определенную роль: подобную роли флейты в руках факира для опасной кобры. Открывая было рот Качинская придержала свой словесный поток и повела непринужденную светскую беседу, позволившую гостю раскрепоститься до интеллигентного понимания этого слова. В результате Ирина Вельветова показала свое истинное лицо и заслужила уважение.

Дело близилось к свадьбе. И тут в жизнь Рощина-младшего фурией влетела одна особа, Ольга Байрацкая, удалив метким тычком такую удобную во всех отношениях Ирину Вельветову. Но сердцу, как известно, не прикажешь. Именно так выразился Тимур, когда Ариадна Еремеевна попыталась его вразумить. Она пригрозила: перепишу завещание, ты ничего не получишь! И сунула ему под нос живописную фигу. Чего отродясь не бывало – так она разъярилась.

Тимур Рощин отреагировал совершенно спокойно. Не отчалил с безумно-счастливым выражением на лице и с духом свободы в груди, а придвинул свой стул к креслу, на котором восседала взвинченная царственная особа, взял ее за руку, подержал, потом приложился губами и признался: «Я очень счастлив!»

Что против этого скажешь?!

Прежнее завещание осталось в силе, а Качинская – при своем мнении. Про себя называла новую пассию Тимура «ветреной актрисулькой», и жалела Ирину Вельветову. Ирина приходила к ней поплакаться, но чем старушка могла ей помочь, не считая здравого совета – «забудь о нем, девочка, против этой особы мы бессильны».

Конечно, каждый, кому ведомо большое светлое чувство, поймет Рощина, то же самое происходило и с Ариадной Качинской, боготворившей своего супруга: да, она понимала чувства Тимура, но чувства чувствами, а голова должна быть на плечах. Этой женщине нельзя доверять, она ветрена и непостоянна, привыкла переносить игру на сцене в реальную жизнь.

У Вельветовой с новой пассией Тимура вышла некрасивая история, в подробности Ариадну никто не посвятил, а она и не стремилась выведать. После инцидента Ирине Вельветовой пришлось покинуть город.

Вскоре Рощин сочетался законным браком с Ольгой Байрацкой, фигуристой девицей среднего роста с золотисто-русыми волосами и невероятно красивыми ногами, которые она постоянно выставляла напоказ.

Ариадна позвонила старым знакомым и навела справки об избраннице Рощина. Оказалось, что тридцатилетняя актриса талантлива и известна в определенных кругах. Ольга задействована практически во всех спектаклях драматического театра, причем в основном исполняет главные роли. Талант и известность как-то успокоили Ариадну.

И все же... Слишком она хороша и слишком в нее влюблен Тимур, - размышляла Ариадна. - Когда всё через край - это опасно. Как следствие - быстрое разочарование и депрессия.

Но опять же - лучше один раз полюбить по-настоящему и пострадать, чем никогда не познать любви, жить тихо, размеренно. И скучно-предсказуемо.

Жизнь с Львом Тимофеевичем не была скучной и не всегда была предсказуемой. С виду он был ласковым и любящим, но... себе на уме. Это была своего рода игра. Они будто бы знали друг о друге всё, а иногда казалось – ничего. Или почти ничего.

Но Ариадна с Львом любили друг друга до конца его дней. Любовь с годами не прошла, она стала мудрее и терпимее. Жаль, что это пришло позже, а не тогда, когда требовалось: не совершили бы ошибки, оставивший на сердце, пусть небольшой, но рубец.

При всем своем показном приятии к Ольге, Ариадна Еремеевна все-таки предпочитала видеться с Тимуром без нее. Ольга вносила в ее дом театральное оживление, Качинская надолго теряла покой. Повышалось давление, а сердцебиение достигало неприличных значений. Как у молодой девицы в обществе объекта страсти. Одолевала бессонница, никакие

лекарственные препараты не помогали. Ариадна пожаловалась на свое «вздорное душевное состояние» Евлампию Бурикову, когда тот неожиданно к ней нагрянул. Они не виделись целый месяц. Все это время Евлампий Ильич не давал о себе знать, Качинская не знала, что и думать. Донимать звонками считала неприличным. Уже на следующий день после жалобы заботливый Евлампий притащил к ней доктора. Тот осмотрел-выслушал и выписал чудодейственное лекарство, стоившее немислимых денег. Об этом ей сообщил доктор с ласковой улыбкой, которая могла успокоить больную и вселить уверенность, что иного выхода у нее нет. Ариадна Еремеевна хотела запротестовать, но Евлампий Буриков молча забрал рецепт. Вышел и вскоре вернулся с чудодейственным лекарством в руках. Пожелал скорейшего выздоровления и откланялся.

Качинская напялила очки на переносицу и углубилась в изучение инструкции. Внимательно прочитала, перечитала и без сожаления отправила упаковку в мусорное ведро со словами: хотите меня уморить, так знайте – не дождетесь, я еще вас всех переживу.

В принципе, в инструкции не было никаких страшных противопоказаний, но то ли взгляд Евлампия ей показался непривычно-жестким, а брошенные слова – со скрытым подтекстом, то ли профессионализм доктора вызвал сомнения, но она приняла решение и не пожалела о нем.

О своей невинной шалости и о визите доктора она поведала Тимуре Рощину. Заметив на его лице плохо скрытое непонимание, она «вдруг вспомнила» рассказ одной знакомой: будто бы Буриков помог отправиться на тот свет своей бабке, которая измучила его своими придирками и своим нытьем. Конечно, вспомнила «не вдруг», еще до прихода Тимура. Прокрутила пленку назад и сделала вывод – она стала раздражать своего спонсора. Он с трудом ее выносит, потому так редко ее навещает.

Именно эти соображения заставили избавиться от упаковки таблеток.

Может, всему виною старческий маразм? Но остатки ума Качинская не растеряла... Как и наблюдательность.

Тимур не стал осуждать и переубеждать, он посоветовал Качинской оградить себя от общения с Буриковым. А если тот явится без предупреждения, сослаться на недомогание и дать понять, что его визит ее тяготит. Пусть обижается. Еще и лучше.

Разобравшись с одной «проблемой», Ариадна Еремеевна зациклилась на другой. Естественно, на Ольге Байрацкой, сидевшей костью в горле.

Качинская сама не знала, чем не пришлось ко двору «актрисулька», но привычно ссылалась на «чрезмерность чувств». Жаль, что нет в ней, в Ариадне, прежней силы и прежней дерзкой сообразительности, уж она нашла бы способ избавиться от Байрацкой бескровным способом.

Что касается самой Ольги Байрацкой, то она относилась к Ариадне Еремеевне с подчеркнутым уважением, тоже не стремилась к общению, в подруги или в родственницы не набивалась. В связи с чем, спокойно отпускала мужа к его покровительнице. О завещании Ольга знала, и чего уж греха таить – маячившее на горизонте богатство, по голодным временам того времени – безмерное, сыграло в пользу Рощина.

Несколько лет Ольга Байрацкая прожила в гражданском браке с ведущим актером театра, Вадимом Калистратовым, который вел разгульную жизнь, не считаясь с ее мнением. В итоге Ольге все надоело, как раз подвернулся Тимур Рощин, серьезный, с серьезными намерениями и безумно влюбленный.

Никто не вечен, - размышляла Ольга, имея ввиду Качинскую. Возникающие то и дело материальные проблемы Ольга Байрацкая решала просто – заводила себе щедрых любовников, о существовании которых муж не догадывался.

Рощин супругу боготворил и потакал всем ее прихотям. Скромной зарплаты ученого мужа едва хватило бы на месяц полуголодного существования, не говоря уже об излишествах, но любящая Тимура Ариадна Еремеевна помогала материально, причем делала это совершенно ненавязчиво, как это делают бабушки любимых внуков – засовывала купюры в карман со словами: купи себе чего-нибудь вкусенького. Как будто мальчик не вышел из младшего школьного возраста и носит коротенькие штанишки с кармашками. «Мальчик» не сильно возражал и улыбался, потупив взор. И всегда безмерно благодарил, вызывая у покровительницы чувство жалости и слезы гордости, больше собой, чем правильной реакцией «мальчика». «Мальчик» надежно сидел на крючке. Устраивало ли это обоих? Одну сторону уж точно.

И вот произошла трагедия. Ариадна Качинская задушена. По подозрению в убийстве задержан Тимур Олегович Рощин. По городу поползли слухи: устал ждать, когда наследство приплывет к нему в руки, и поспособствовал уходу

богатой старухи в мир иной. Причем говорили без всякого возмущения, осуждения, просто высказывали предположения, ни беспочвенные. И будто бы никого не удивлял поступок Тимура Рощина...

Впрочем, время было непростое, убивали и за меньшее...

Известные адвокаты нашего городка отказались защищать Рощина, ссылаясь на занятость. Предполагаю, что никто из моих коллег не хотел наживать себе врага в лице Евлампия Бурова, бизнесмена, мецената и прочее. Дальняя родственница подозреваемого, Вероника Потаповна Решетнева, обратилась ко мне.

- Вы - моя последняя надежда, - с чувством сказала она и умоляюще уставилась на меня. Я отвел глаза, потому как рассматривать эту женщину было неприятно: одна бородавка возле носа чего стоит, и по лицу разбросаны гнойные воспаления. Вероятно, родственница Рощина привыкла к подобной реакции окружающих на ее внешность и сообщила без всякого сожаления:

- У меня сильная аллергическая реакция на всё подряд. Никакие медикаментозные средства или крема не помогают. Зимой аллергия проходит.

Лучше бы ты подождала зимы, - подумал я.

- Так что, возьметесь за дело Тимура? – спросила Вероника Потаповна и поспешила повысить уровень моей самооценки, - мне рекомендовали вас как весьма упорного человека, который добивается своей цели доступными способами, выполняет возложенную на него миссию.

- Ну, это громко сказано, - хмуро заметил я, искусно пряча собственное довольство.

Что было делать – я расправил крылья и полетел. Как великий и ужасный Перри Мейсон, способный вывести на чистую воду всех злодеев без разбора.

Для начала я изучил уголовное дело. Следствие по делу об убийстве Ариадны Еремеевны Качинской вел широко известный в профессиональных кругах Илья Ефимович Морозов, мечтающий поскорее закрыть уголовное дело и передать дело в судебные органы. Других подозреваемых, кроме Рощина, Морозов не рассматривал – якобы всё и без того очевидно. Предоставленный Тимуру Рощину адвокат не перечил следователю, он

терпеливо ждал суда, чтобы выступить с красочной речью, в которой он выскажет причины, побудившие его подзащитного совершить преступление, и дойдет до полного абсурда – у Рощина не было другого выхода. Можно подумать, жертва Рощина посягала на его собственную жизнь, Рощин об этом узнал и решил опередить ради своего же спасения. Плавали – знаем.

Морозов потирал руки - он раскрыл уголовное дело по горячим следам - и трепетал от ожидания будущих благ, последующих за этим раскрытием. И было от чего потирать руки: нашелся свидетель, разбивший в пух и прах показания подозреваемого, заявившего, что в момент убийства Ариадны Качинской он находился дома. И кто опроверг слова Тимура Рощина? Никогда не догадаетесь. Но об этом позже.

В один не очень прекрасный для следователя Морозова день в его кабинете нарисовалась моя скромная адвокатская персона.

- Першин Игнат Павлович? – переспросил Морозов, сидя за столом и поглядывая на меня поверх очков, съехавших на кончик его остренького носа. По причине остроносия он напомнил мне дьяка из гоголевского произведения «Вечера на хуторе близ Диканьки». Черный поношенный костюм и темная сорочка довершали образ. Его ног я не видел, поэтому мог развить мысль касательно длины пиджака и превратить его чуть ли не в сутану.

Мне предоставили свободный стол, и я углубился в изучение уголовного дела.

Труп Качинской был обнаружен проходящей домработницей, Верой Игнатьевной Лапшиновой. Ариадна Еремеевна сидела в кресле с поникшей головой. Поначалу Лапшинова подумала, что хозяйка дремлет, но вся ее поза говорила об обратном – хозяйка мертва. Домработница сразу набрала «02». Уже после подумала, что зря позвонила в милицию: старушка была в преклонном возрасте, имела множество хронических заболеваний, в последнее время часто жаловалась на боли в сердце. По всему выходило, что причина смерти именно сердечный приступ.

Однако приехавший с следственной бригадой судмедэксперт тотчас установил, что причиной смерти Качинской стала асфиксия. Старушку задушили ее же подушкой. Убийство произошло, когда Ариадна Еремеевна сидела в любимом кресле. Получается, преступник ей был хорошо знаком, никаких опасений он не вызывал. Так что всё сходится – убийство совершил близкий человек. Тимур Рощин. Он взял в спальне подушку, незаметно

подкрался к своей потенциальной жертве, которая ввиду возраста могла задремать, и держал подушку на лице до тех пор, пока жертва не скончалась от удушья. Потом хладнокровно вернул подушку на место, уничтожил наглядные следы своего пребывания в доме и отправился к себе.

Тот же судмедэксперт после вскрытия установил время смерти Качинской: от двадцати одного до двадцати одного тридцати.

А теперь самое интересное. Тимур Роцин заявил, что покинул квартиру Качинской в начале девятого. До дома добирался пешком – погода располагала к вечерним прогулкам. Около девяти, точнее – без десяти девять, он вошел в свою квартиру. Откуда такая точность? В соседней квартире, где проживала молодая семья с маленьким ребенком, громко вещал телевизор – шла передача «Спокойной ночи, малыши». Роцин успел снять обувь и вымыть руки, когда за стенкой зазвучала знакомая мелодия и началась программа «Время».

Все четко, ясно и понятно. И вдруг Ольга Байрацкая полностью опровергает слова мужа. Якобы муж вернулся домой в половине десятого, когда программа «Время» шла к логическому завершению и рассказывали о погоде на завтра. При этом был взмокшим и трудно дышал, как после скоростного забега.

Когда жена свидетельствует в пользу мужа и предоставляет ему, подозреваемому в преступлении, алиби, никто не принимает свидетельства в расчет. Нонсенс – жена не только не подтвердила слова своего супруга, но и указала точное время. Благодаря ее показаниям, а также веским подозрениям следователя Морозова, Тимур Роцин был задержан и помещен в следственный изолятор.

Свидетельство Ольги Байрацкой против ее супруга Илья Ефимович Морозов принял во внимание, в уголовном деле имелся протокол допроса, под протоколом – разборчивая подпись и привычная фраза: с моих слов записано верно.

Я постарался абстрагироваться от косвенных доказательств вины моего подзащитного, и сосредоточился на показаниях соседей погибшей Качинской.

На лестничную площадку выходило три двери. В одной квартире проживала Ариадна, в другой – тот самый нувориш, который купил у нее дачный участок, - в третьей - пожилая пара Карпинских. Нувориш с семьей отдыхали в теплых странах. Пожилая пара Карпинских поведала Морозову следующее.

В день убийства, вечером, в начале девятого в дверь позвонили. Карпинских редко посещают гости, семейная пара ведет замкнутый образ жизни, в такое позднее время к ним вообще никто не приходит. После бурных обсуждений Карпинские все же решили узнать, кто к ним пожаловал. Оказалось, пожаловал приятный во всех отношениях молодой человек, Тимур Роцин, частый гость их соседки Качинской. Пожилая пара тут же предположила, что с соседкой произошла беда и срочно требуется их помощь и участие. Но оказалось все совсем не так: Тимур Роцин - «очень воспитанный молодой человек» - сообщил, что, покидая квартиру соседки, заметил у двери Карпинских запечатанный конверт. И предположил, что конверт случайно выпал из рук кого-то из жильцов данной квартиры. Потому набрался наглости их побеспокоить – вдруг в письме что-то важное. Вручил конверт, откланялся и стал спускаться по лестнице с беспечным видом. Карпинские отдали конверт следователю со словами: мы случайно его вскрыли, заранее не прочитав адрес. Оказалось, что письмо адресовано не Карпинским, а каким-то другим людям, с фамилией Червоткины, хотя, указан адрес Карпинских. Текст письма был коротким и не содержал ценной информации, так, общие фразы о здоровье, о погоде, о планах на будущее. Обтекаемое начало: здравствуйте, мои дорогие! В конце подписано просто – ваш Иван. По всему выходило, что некий Иван писал письмо своим родственникам Червоткиным, якобы проживающим в квартире Карпинских. Обратного адреса на конверте не было.

Или Иван что-то напутал, или...

Следователь Морозов приложил послание некого Ивана к уголовному делу и сделал вывод: Роцин собственноручно подбросил письмо на порог квартиры Карпинских, чтобы иметь повод позвонить им в дверь и заработать алиби. Пожилые люди замечают всякие тонкости и внимательно следят за временем, все делают по часам, считая это значимым.

Я подумал о поспешности выводов, но надо признать, что у Морозова были для этого основания. Первое: Тимур известен фамилия Карпинских, поэтому не стоило звонить им в дверь и предъявлять чужое письмо. Второе – Роцин мог спуститься, переждать на улице, а потом вернуться в квартиру Качинской, придумав для старушки вескую причину, и совершить преступление.

Грубо состряпанное алиби, ничего не скажешь. Впрочем, чему удивляться – до этих пор Роцин никогда не нарушал закона.

Но есть аргументы в защиту Рощина. Как человек интеллигентный, он не стал читать надпись на конверте. Тактично позвонил в дверь и вручил послание. Это раз. Второе: почему бы конверту не возлежать на пороге квартиры? Предположим, Иван отправил письмо Червоткиным с нарочным, некто ехал в наш город, и он попросил передать послание. «Передачик» согласился. Прибыл по месту жительства родных Ивана, тех не оказалось дома, он подсунул конверт в щель, а конверт выпал. Почему Карпинские его не подобрали, вернувшись домой? Потому что они были дома, а звонка не слышали.

Шатко-валкие аргументы в защиту.

Допустим, Рощин виновен в смерти Качинской. Выходит, он отдал письмо Карпинским, вышел на улицу, выждал, вернулся и убил. На все про все должно уйти минут достаточно времени. Не с порога же набросился он на Ариадну. Она вернулась в кресло, они о чем-то поговорили. Он напоил ее чаем, сдобренным хорошей дозой снотворного. Старушка уснула.

Совершив преступление, Рощин бросился домой. Причем на прекрасную погоду обращал мало внимания, он торопился. Тимур утверждал, что преступил порог своего дома без десяти девять. Ему сполна хватило бы двадцати минут...

Опережу события. Позже я проверил показания Тимура с секундомером в руках. Расстояние от дома Качинской до дома Рощина я преодолел за двадцать одну минуту. Не бежал трусцой, а двигался быстрым шагом...

Или судмедэксперт ошибся, что маловероятно. Или Рощин не лгал. Ушел от Качинской, отдал письмо Карпинским, не взглянув на фамилию адресата - и такое бывает, не все люди страдают любопытством, и неспешным шагом двинул домой. Без всяких возвращений назад и убийств.

Если бы не показания «актрисульки» Ольги Байрацкой.

Убийство произошло в понедельник, в театре был выходной. Получается, Ольга была дома и ошибиться не могла.

Или она отсутствовала, а потом дала лживые показания. С какой целью Байрацкая решила оговорить мужа?

Раз все обвинения строятся на показаниях супруги, я обязан их опровергнуть. Письмо на пороге квартиры Карпинских, как свидетельство в защиту Рощина, – дохлый номер, любой судья отметет данный факт, как несостоятельный.

Сделав пометки в своем блокноте, я покинул кабинет следователя Морозова.

Уже у себя составил план дальнейших действий. Начинать надо с театра, где служит Ольга Байрацкая. Не сомневаюсь, что у ведущей актрисы полно недоброжелателей. Главное – суметь отделить сплетни от правды. Или хотя бы полуправды.

Мне посоветовали поговорить с актрисой, которая не уступала Ольге талантом, и чья карьера не пострадала после появления ее в театре. Верный совет – в этом случае ненависть и зависть не опережают сознание.

Мне повезло: неконкурентка оказалась разговорчивой, но в меру, ядом не брызгала и лишних слов не говорила. Просто изложила все то, что ей доподлинно известно. И не только ей. Но в устах других «доброжелателей» могло быть повернуто с ног на голову.

До бракосочетания с Рощиным у Ольги были увлечения, гражданской муж – ни в счет. Так сказать, основной нитью шел роман с главным режиссером. После свадьбы увлечения остались в прошлом, но вот роман с главным не только не закончился, а получил «новую жизнь»: любовник перестал опасаться посягательств на свою свободу. Я поинтересовался отношениями супругов. На что неконкурентка ответила: о своем муже Ольга Байрацкая всегда отзывалась с большой любовью и восхищением...

Но тем не менее наставляла ему рога с главным режиссером... И не только с ним, странно, что в театре об этом не знают. Значит, тщательно маскировалась. Чтобы муж ни о чем не узнал. Из чего мы делаем вывод – действительно, любила и дорожила отношениями.

Что мне дает полученная информация? - вяло подумал я, покидая здание театра. – А ничего-то мне она не дает... Уходить от мужа к режиссеру Байрацкая не собиралась...

В тот же день в адвокатскую контору позвонила та самая неконкурентка, попросила меня к телефону и начала с расшаркивания:

- Простите, что беспокою, но мне показалось, что эта информация может вам как-то помочь.

- Я вас внимательно слушаю.

- Так вот... Несколько лет назад к нам в театр пришла молодая и талантливая актриса. Наш главный ею сразу увлекся, а Байрацкой дал отворот-поворот.

Та сообразила, чем ей может это грозить, и решила разобраться с проблемой кардинально и быстро.

Молодая женщина выдержала театральную паузу, рассчитывая то ли на уточняющие вопросы, то ли испытывала мое терпение, которое и без того готово было лопнуть. Я находился на распутье, не знал, что делать и поэтому злился на всех, включая себя. Как результат – я мог послать ее подальше, а моя телефонная визави – обидеться и бросить трубку. Мне показалось, что она успела пожалеть о своем внезапном порыве связаться со мной, и теперь ищет повод, чтобы прервать разговор.

Слышимость была отвратительной, по всей видимости девушка звонила мне из телефона-автомата, расположенного в оживленном месте. Я почему-то подумал об импровизированном рынке, где торговки бойко зазывают покупателей и расхваливают свой товар, чтобы быстрее сбыть его с рук и покинуть место, запрещенное для торговли.

Во время затянувшейся паузы, испытывающей на прочность мою нервную систему, я пытался уловить сторонние звуки, чтобы установить место пребывания особы, решившей передать по инстанции сплетни, порядком наскучившие в театральном мире. Никаких рыночных торговок я не услышал, только лязганье металла по неровной и скользкой поверхности. Так возят санки с детьми в отсутствие снега по бугристому асфальту. Станный звук... Впрочем, сдался он мне: необходимая информация на подходе, а я кумекаю, что и где, сравниваю и размышляю.

Я всегда был меломаном, с младых лет увлекался «Битлами» и сейчас мне показалось, что едва уловимые звуки, так мешающие нормальному общению по телефону, схожи со знакомым мне проигрышем из песни любимой ливерпульской четверки. Или в моей голове звучит музыка. Прежде такое бывало – когда голова берет тайм-аут и отвлекается от насущных проблем, чтобы потом приступить к новому осмыслению и взглянуть на проблему с другой стороны.

Только я хотел открыть рот и рявкнуть со всю силу моих лёгких, чтобы дамочка шла куда подальше со своими паузами и новостями, не стоившими выеденного яйца, но она, видимо, почувствовав остроту момента, опередила меня робким покашливанием, после чего проблеяла:

- Однажды наше молодое дарование... представьте себе... сбил автомобиль, причем прямо на тротуаре. Водитель ехал себе ехал, потом прибавил

скорость, скакнул на тротуар, сбил девушку, которая спокойно двигалась, не ожидая ничего подобного. После наезда водитель скрылся с места происшествия. Свидетели не успели ничего понять, да и свидетелей было с гулькин нос. Одна полуслепая бабуленция, которая видела сам автомобиль, но не запомнила ни марку, ни его номер, что не удивительно. Наезд произошел на узкой улочке, в дневное время. Еще повезло, что мимо проезжала машина «Скорой помощи» - на вызов ехали, врачи доставили пострадавшую в больницу. Девушка получила многочисленные травмы, ей провели несколько хирургических операций. В результате она осталась инвалидом – передвигается самостоятельно, но прихрамывает.

- А что водитель? Его нашли?

- Нет, конечно! Но мы сразу решили, что это происки Байрацкой, хотя, прямых улик против нее не было. Может, не сама, может наняла кого. Скорее всего, так и было.

- Зачем вы все это мне рассказали? Чтобы я осознал, что на самом деле представляет из себя Ольга? - с легкой укоризной произнес я.

- Не просто так! – вспыхнула неконкурентка, выказав обиду. Возмущенно посопела, потом все же выдала, - мы на днях созванивались с той несчастной, она произнесла странную фразу: если бы я хотела ей отомстить, то могла бы сделать это с легкостью – сейчас самый подходящий момент... Вы меня слышите, Игнат Павлович?

- Да, я вас слышу, - пробормотал я и спросил, - как зовут вашу коллегу?

- Светлана Воронина.

- Как мне ее найти?

- Я продиктую вам номер ее домашнего телефона... Только вы на меня не ссылайтесь. И вообще – нашего разговора не было. Забудьте. Договорились?

- Обещаю...

Я позвонил Ворониной, сообщил, кто я и чем занимаюсь в данный момент. Светлана согласилась встретиться и поговорить. Дала мне свой адрес.

Воронина жила на окраине города, в новом микрорайоне, вдвоем с матерью. Мать была на работе, и мы со Светой могли спокойно поговорить.

Видимо, ее лицо сильно пострадало при аварии. Ей была сделана пластическая операция, но неудачно. Лицо походило на перекошенную маску. Мой «информатор» не солгал: девушка сильно припадала на правую ногу. На ней были широкие домашние брюки, которые прятали изувеченную конечность. Обычная мужская рубашка в клетку хламидой висела на худощавой фигуре. Как-то сглаживали ситуацию красивые волосы, сплетенные в косу. Медовый оттенок волос гармонировал с глазами цвета шампанского. Все остальное было...прямо беда-беда-беда. Ясно – на карьере актрисы поставлен жирный крест.

Светлана держалась свободно, старалась улыбаться и высоко держала голову, что вызывало уважение: не каждый мужик будет так себя вести. Обычно после таких увечий люди находят утешение в бутылке.

- Мне все известно: и о смерти Качинской, и о показаниях Байрацкой против мужа, - сразу взяла она быка за рога. Но отступила от начатой темы, - не знаю, что вам наговорили об аварии, но я не верю, что Ольга управляла тем автомобилем.

- И вы ее не подозревали? Совсем и никогда?

- На одних подозрениях далеко не уедешь, - отвертелась она от прямого ответа. - Впрочем, кому я об это говорю – вы адвокат, знаете лучше меня... Можно подумать, что подобных автоаварий на улицах города не происходит. Сплошь и рядом: садятся за руль в пьяном угаре, как результат – не справился с управлением, сам пострадал и других покалечил. Или того хуже – ни в чем ни повинный человек погиб.

Воронина старательно отводила взгляд от своей ноги. А я подумал: она уверена в причастности Ольги. В данном случае бессмысленно рассуждать о водителях-нарушителях, наезд на Свету был хорошо спланирован. Кем? И дураку понятно.

Покончив с отступлением, девушка с жаром заверила меня:

- Вы только не подумайте, что я вознамерилась оклеветать Ольгу и защитить ее мужа, Тимура Рощина. Я его знать не знаю, видела всего пару раз.

- Иногда, чтобы... отомстить своему врагу, вольешься в ряды его недоброжелателей, которых ты... знать не знаешь, - между прочим оборонил я, невольно повторив ее же слова.

- Сейчас я скажу странную вещь: у Ольги нет врагов, хотя при ее звездности и успешности, врагов и завистников должно быть немало.
- Действительно, странно.
- Она умеет ладить со всеми. На нее нельзя обижаться. Она как малое неразумное дитя.
- Я бы не сказал... - начал я.
- Просто вы ее почти не знаете, - перебила меня Воронина. - Уж не знаю, чем ее допек супруг...
- Вы считаете, он ее допек? – влез я со своим вопросом.
- Ну, наверное, раз Ольга решила его оговорить, - пробормотала она, сложив складки между бровями. И предположила, - вдруг Оля уверена, что старуху убил ее муж, который способен уйти от ответственности благодаря таланту убеждения... или складу своего ума.
- А Байрацкая у нас главный борец на справедливость, - хмыкнул я.
- Ладно, оставим предположения, перейдем к фактам. А факты таковы. – Начала Воронина слишком бойко и деловито, но быстро сдулась. Выдержала паузу, потом завершила, - вы не подумайте, что я хочу кого-то оговорить, что я...
- Что ж за день такой! – мысленно возмутился я. – Приходится иметь дело с девушками, которые всеми силами пытаются выглядеть в лучшем свете, боятся, что их начнут подозревать во всех смертных грехах.
- Что мне было делать? Только повторить то, что я уже говорил неконкурентке:
- Я вас внимательно слушаю.
- Я видела ее в тот вечер! – выпалила Воронина и прикусила язык. Впилась взглядом в мое лицо, ожидая реакции.
- Вы видели Ольгу Байрацкую в вечер убийства Ариадны Качинской, - терпеливо сформулировал я с паузами между словами, предоставив моей визави время для осмысления.
- Да, Ольгу. Видела. Ошибиться я не могла, - затрясла головой Светлана. Громким шепотом, как будто боялась быть подслушанной посторонними людьми, проговорила, - конечно, после аварии и долгого лечения я пребывала в депрессии. Я не выходила из дома, боялась, что все люди станут

обращать на меня внимания, а дети тыкать пальцами. Моя депрессия чуть не довела меня до... опасной черты. Но я взяла себя в руки ради мамы, кроме меня у нее никого нет. Она всегда говорила, что любое испытание надо пройти достойно. На мою долю выпало... вот такое испытание. - Светлана приложила ладони к щекам, потом опустила руки и перевела взгляд на ногу, спрятанную в широкой штанине. – Постепенно я начала возвращаться к более-менее нормальной жизни. Стала появляться на улице, но старалась выходить в вечернее время. Сейчас уже выхожу днем, но пока чувствую себя некомфортно... В тот вечер я собралась в кино. Как раз был день премьеры, я решила пойти на предпоследний сеанс... На последнем всегда многолюдно – влюбленные парочки, шумные и дерзкие, а на предпоследнем и зрителей меньше, и ведут они себя спокойнее. Я успела подойти к лестнице, ведущей к кассам, и вдруг вижу – Байрацкая! Она вышла из кинотеатра в сопровождении мужчины. Я сразу решила – рядом муж Ольги. Потом присмотрелась – нет, не муж, какой-то незнакомец.

- Это была Ольга Байрацкая? Вы ни с кем ее не перепутали?

- Я производю впечатление человека со сдвигом?.. Только не нужно упоминать аварию, в которой пострадала... и голова тоже. Но галлюцинациями я точно не страдаю. И людей, которых знаю, с другими не перепутаю, имен не забываю, - отрапортовала Воронина жестко.

Я понимал, что в тот вечер рядом с Ольгой не могло быть ее мужа. Но уточнил на всякий случай. На что Светлана ответила:

- Конечно, это был не Рощин. Рощин он такой... как бы выразиться... смешной что ли, и неловкий. А этот типчик... весь из себя павлинистый. Грудь колесом, плечи, спина и все такое. И смотрит вокруг себя – оценивает, какое впечатление производит на окружающих. А Ольга с него глаз не сводила, а в глазах одно обожание. Надо быть незрячим, чтобы не понять, что эту парочку связывает. Уж точно не дружеские отношения.

- И это точно был не главный режиссер вашего театра? - совершенно опростоволосился я. Светлана посмотрела на меня с укоризной и сожалением. Мол, зря связалась с таким тупицей-непрофессионалом.

- Про свою голову я вам уже говорила, - поерничала Воронина и повторилась, – не сомневайтесь, с головой полный порядок, память мне не отшибло.

Не с бухты-барухты меня заклинило. Что-то сильно беспокоило. Но вот, что – вопрос. Большой вопрос.

- Можете указать точное время, когда вы видели Ольгу Байрацкую в обществе незнакомого мужчины? - деловито поинтересовался я, напустив на себя значимость Перри Мейсона.

- Это было в пятнадцать минут десятого.

Я недоверчиво покосился в сторону Ворониной.

- Не сомневайтесь! Я все заранее рассчитала – привычка такая появилась с некоторых пор, чтобы лишний раз не шататься по холлу и не мозолить глаза киноманам. Пришел, купил билет, зашел в просмотровый зал в последний момент. Свет погас.

- Сеанс начался, - замороженно пробормотал я. Света кивнула.

- Предпоследний сеанс начинался в половине десятого.

- Выходит, Байрацкая в это время выходила из кинотеатра и никак не могла быть дома, - задумчиво пробормотал я. - Значит, ее показания против Рощина – полная липа.

- Странный способ избавиться от надоевшего супруга, - вскинула плечи Воронина. - Не проще ли взять и развестись. Но она решила оговорить Рощина. С какой стати? Каковы причины? – вслух рассуждала она, мало обращая на меня внимание. – Неужели Ольга решила, что завещанные богатства Качинской достанутся ей? Тогда она полная дура... Но она совсем не дура.

- Естественно, Ольга ничего не получит по завещанию, - вставил я своих пять копеек. - Если ее муж убийца, завещание потеряет свою силу, а если он будет оправдан, то подаст на развод: не думаю, что спокойно проглотит предательство супруги.

Воронина молча меня выслушала, затем уверенно заявила:

- Только я вас сразу предупреждаю – в суд не пойду! Мы заверим мои показания нотариально, и вы предоставите их во время слушания дела Рощина.

- Но...

- Нет-нет, не уговаривайте, - не дала она мне продолжить. – Я не боюсь испугать народ своим фейсом, - девушка по воздуху прочертила указательным пальцем овал вокруг своего лица. - Дело в другом. Мы долго собирали деньги, нашлись хорошие люди – помогли, и уже завтра я улетаю в Германию.

Тамошние доктора согласились вернуть мне прежний образ. И избавить от хромоты. Я очень верю в успех. А раз верю, то всё у меня получится.

- Вы молодец! – похвалил я Светлану.

Суд принял во внимание свидетельство Ворониной, разбивающие в пух и прах показания Ольги Байрацкой. Моими стараниями Рощина отпустили на свободу прямо из зала суда, но взяли подписку о невыезде. Пока обвинения против него не были сняты окончательно.

Мне необходим свидетель, который подтвердит слова Тимура о том, что без десяти девять он зашел в собственную квартиру и больше оттуда не выходил.

Чтобы снять с моего подзащитного все подозрения, я засучил рукава, забыл про кабинетную работу. Опросил соседей в доме, где проживает Рощин, побеседовал во дворе с собачниками и веселой молодежью. И, увы, успел отчаяться и почти опустил руки, позабыв про острое желание быть похожим на целеустремленного Перри Мейсона.

Однако помощь пришла откуда, откуда ее не ждали - от бывшей возлюбленной Тимура, к которой так благосклонно относилась ныне покойная Ариадна Еремеевна Качинская.

Как оказалось, некоторое время назад Ирина Вельветова вернулась в родной город. Устроилась на работу в общеобразовательную школу. Учила детей алгебре и геометрии.

Прежние чувства к Рощину не погасли, поэтому в качестве хобби она выбрала наблюдение за его частной жизнью. Как сама пояснила – из праздного любопытства следовала за ним по пятам и собирала информацию.

Психушка – дом родной, - быстро поставил ей диагноз.

Естественно, не поверил в праздное любопытство. И предположил, что Вельветова готовила какую-то каверзу, в смысле месть.

Из телефонного разговора я толком ничего не понял. Она сбивалась, перескакивала с одного на другое. То говорила о своих чувствах, то о недостойной Тимура Ольге, то о своем недостойном поведении, из-за которого ей пришлось уйти с любимой работы и покинуть город.

Успокаивало одно – сумасшедшую на работу в школу не возьмут, значит, она нормальная, просто странная. От переживаний. Если просто странная, то ее показания примут во внимание в суде.

Пока я бился над установлением истины, Ирина Вельветова предложила мне встретиться и все обсудить. Я назначил встречу в своем кабинете, но она наотрез отказалась. И сама указала место - в городском парке, возле фонтана. Звучит как в каком-то шпионском или мелодраматическом фильме. Конечно, я сразу согласился.

Но прежде чем отправиться в городской парк, заглянул к Рощину: решил разобраться, можно доверять Вельветовой или нет. Он давно с ней знаком, пусть расскажет, что она за человек. Вдруг это человек - вселенская обида с камнем за пазухой, который выбирает подходящий момент для камнеметания. Вот интересно, кто у Вельветовой числится в злейших врагах? Бывший возлюбленный Роцин или женщина, черной кошкой перешедшая ей дорогу? С этим стоит разобраться.

Вдруг Ирина собралась оклеветать Рощина: сейчас наплетет мне короб белиберды, обличит бывшего возлюбленного во всех страшных грехах... В развале часовни шестнадцати века, в том числе. Про часовню я вспомнил не зря.

Когда впервые увидел своего подзащитного, не мог понять, где его видел. Потом сообразил – Тимур очень напоминает Шурика-недотепу из «Кавказской пленницы». Разница в габаритных размерах – у Тимура комплекция побольше и рост повыше. Конечно, внешность обманчива, но разве способен такой наивный человек на коварное преступление.

Странно, что Ольга вышла замуж за такого «ботанического» субъекта. Что она в нем нашла, что разглядела? Однако быстро разочаровалась, и решила избавиться – оговорила. Скажем прямо – жестко с ним поступила. Чем муж ей не угодил?.. Впрочем, кто их, творческих людей, разберет. Захотелось разыграть драму, только и всего...

Мой вопрос о Вельветовой озадачил Тимура Рощина. Он поскреб подбородок и вышел из комнаты. Я проводил хозяина непонимающим взглядом, затем принялся осматриваться. Ни одной мелочи не напоминало о супруге. И не удивительно: после всего, что она наговорила, под одной крышей им больше не жить.

Кажется, шансы Вельветовой растут на дрожжах.

Рощин вернулся с фотографией в руках, которую он держал двумя пальцами за уголок. Протянул мне фото и сел рядом со мной на диван. Диван тревожно скрипнул, а я подумал: вся мебель в квартире старенькая, да и сама квартира не рай. Чтобы жить здесь, надо сильно любить хозяина-мужчину. Если сильно любить, то никогда не предавать. Какая-то неувязочка... Не могла мебель превратиться в рухлядь за то время, пока Тимур находился в следственном изоляторе. И квартира потускнеть, мягко скажем...

Я взялся за изучение принесенной Тимуром фотографии.

- Это Ира Вельветова. Ну, и я, - пояснил Рощин без всяких эмоций.

Тимур и Ира были сняты на фоне густого кустарника с наляпанными цветами бледно-розового цвета. Видимо, шиповника, но я могу ошибаться – ботаник из меня еще тот. Ира была невысокой, худенькой и блеклой. Наверное, при желании из нее можно сделать конфетку. Но у нее такого желания не возникло. Есть такие особы, которые считают - ум превышает внешних данных и надеются встретить мужчину, который оценит их по достоинству. Даже на фото было заметно, что лицо Иры плотоядно осыпано веснушками. На переносице сидели очки с большими диоптриями, отчего ее глаза казались инопланетянскими. На девушке надето невыразительное платье серо-буро-малинового цвета длиною за колено. На ногах туфли «прощай, молодость». Короткие волосы «уложены» в прическу под названием «взрыв на макаронной фабрике».

Мне подумалось: и все-таки у Ирины нет шанса вернуть Рощина. После Байрацкой, красоти с магнетическим обаянием, он едва ли обратит на Иру должное внимание. Впрочем, как и на всех женщин, коих он отнес в разряд предательниц. Но опять же – это сугубо личное мнение. Отойдет, оттаит, забудет...

Надо признать, что без улыбки на эту несуразно-несовременную парочку смотреть невозможно. Люди с другой планеты. Судя по счастливым лицам, им хорошо вдвоем. Но все это в прошлом.

- Ира очень честный человек, ей любая ложь претит, - сказал Тимур бесцветным голосом. – Если она что-то видела или что-то знает, то расскажет начистоту. Без всяких прикрас.

- Люди меняются, - неопределенно заметил я. – Вдруг Вельветова решила вам отомстить? Любые ее показания я обязан принять к сведению... Вы меня понимаете? Но я могу проигнорировать ее желание...

- Вы не хотите с ней встречаться?

В ответ я кивнул, чтобы исключить лишние слова. Можно подумать, за дверью стоял следователь и ловил каждую сказанную фразу.

- Понятно, вы подумали, что Ира требует сатисфакции, - высказался Роцин едва слышно, включившись в мою игру. Решил уточнить, еще понизив голос, - требует сатисфакции за мое предательство. Она меня оговорит, а я опять окажусь там, где уже был. А потом...

Я похлопал его по руке, желая пресечь бурную фантазию. Тимур поправил указательным пальцем свои очки и встряхнул головой, как киношный Шурик, но без намека на улыбку. Роцину было ни до веселья.

- Чему быть, того не миновать, - обреченно добавил он.

- Тимур Олегович, вы встречались с Ириной Вельветовой после ее возвращения в город?

- Я вообще не знал, что она вернулась, - передернул плечами молодой мужчина.

- Вернулась, - выдохнул я, как будто данное обстоятельство в корне меняло дело.

- Я не думаю, что Ира стала другой... Не говорите мне, что я плохо разбираюсь в людях... Хотя, это так... Но Иру я знаю много лет, она немножко чудаковатая, как и я, как все люди, погруженные в науку. Мы выстраиваем свою жизнь и четко следуем по выбранной траектории, не уходя в сторону, а обыденная жизнь нас мало интересует, в ней мы довольствуемся малым. В науке все иначе... Но сейчас о другом. Когда в нашу жизнь вмешиваются обстоятельства, сбивающие нас с траектории, нас это злит, потому что отвлекает от научной работы. Мы стараемся быстро решить проблемы, чтобы вернуться на круги своя...

- Погодите, - осадил я Тимура, - вы хотите сказать, что Ирину Вельветову разозлил не тот факт, что вы ушли к другой женщине, а что ваши совместные научные планы дали трещину? Получается, вы двигались плечом к плечу к конечной точке, не в том смысле, что к конечной без продолжения, а к новой отправной точке, с которой начнется этап новых совместных открытий и, вероятно, новых отношений, и тут появляется... Ольга Байрацкая, - назвал я «вещи своими именами», устав от недосказанности. Хотя, выражался виртуозно.

- Можно я не буду об этом говорить. Если Ирина захочет, она сама вам расскажет, что у них с Ольгой произошло, - высказался сообразительный Роцин.

- Ладно, - милостиво согласился я.

Оказывается, Тимур – большой интриган, он мягко подтолкнул меня к принятию решения в пользу Вельветовой, которая заждалась меня у фонтана в городском парке.

Как оказалось, я был прав...

Ирина Вельветова сидела на скамейке и не сводила взгляда с неработающего фонтана. В прошлые годы здесь всегда толпился народ, было шумно и весело. Звучала музыка. Люди улыбались. Сейчас всё иначе. Грусть-тоска.

Молодая женщина обратила на меня внимание, когда я поздоровался и опустил рядом. Она была еще некрасивее, чем на фото. Ни грамма косметики на лице, ни тебе безделушек-украшений, пусть грошовых, но подобранных со вкусом. Юбка-футляр темно-синего цвета, кофточка аля мужская рубашка белого цвета. И уже знакомые очки на переносице. Она просверлила меня взглядом своих инопланетных глаз и уточнила:

- Вы адвокат? Игнат Павлович Першин?

- Это я. Вы мне звонили и сказали, что у вас есть сведения, которые меня заинтересуют. Больше из телефонного разговора я ничего не понял.

- Ну, да, меня захватили эмоции.

А с виду и не скажешь, что эту засушенно-замороженную училку могут захватить эмоции.

- Когда я вернулась в город, то пыталась выяснить у общих знакомых, как живет Тимур, все ли у него хорошо, - отстраненным голосом проговорила Вельветова.

- А на самом деле, хотели понять, счастлив ли он в браке? – вырвалось у меня. Захотелось ее встряхнуть. Или вывести из себя и посмотреть, что из этого выйдет.

Училка проигнорировала мой выпад и продолжила прежним бесстрастным тоном:

- Если сказать, что я была удивлена, то значить солгать. Я была не удивлена, когда узнала, что Тимур несчастлив в этом браке.

- Что и требовалось доказать, - продолжал тихо злиться я. Легкий ветерок гнал на меня удушливый запах ее духов, в носу щекотало, я усиленно тер нос большим и указательным пальцем и мечтал о скором расставании.

- Вот именно, - скосив в мою сторону свои инопланетянские глаза под очками, согласилась Вельветова. Можно подумать, только сейчас меня заметила, а до этого разговаривала с фонтаном, приходящим в упадок. Некоторое время она оценивала меня, как будто прикидывала, достоин ли я получить тайные сведения или нет. Что-то в ее голове сложилось, и она продолжила доверительным тоном, - они слишком разные... Мне всего-то нужно было набраться терпения. Дистанцироваться от них и ждать. Рано или поздно все само собой бы разъяснилось, а я повела себя глупо с самого начала. И потом сбежала из города. И сразу пожалела об этом.

- Что поспособствовало вашему побегу из города? У вас произошла с Ольгой размолвка?

- Размолвка, - хмыкнула Ирина. – Я ничего не соображала тогда. Представляете, набросилась на Ольгу с кулаками прямо на улице, на глазах всего честного народа. Ольга быстро улизнула, но не преминула описать Тимур в красках эту и без того некрасивую сцену. Они еще не были женаты. Думаю, Тимур в тот момент вообще не думал о бракосочетании. А моя глупая выходка подтолкнула его к необдуманному шагу. Наверное, он посчитал, что тем самым положит конец моим надеждам. И Ольга будет защищена.

- Вы любили Рощина? Или жили рядом с ним по привычке, вас связывала общая работа, общие интересы?

- Наверное, любила, но не думала об этом. Мы не признавались друг другу в любви... Когда теряешь, тогда осознаешь, что ты потерял. И разбираешься в своих чувствах. Слишком поздно приходит понимание, от этого становится горько. Потом начинаешь копать в себе: что сделал не так, как надо было себя вести. Но прошлая жизнь, как и история в общем, не предполагает соslagательного наклонения.

- Можно войти в одну реку дважды?

- Можно, если что-то в себе изменить, если ты знаешь, что надо менять и, если другой человек, ради которого всё и происходит, тоже готов меняться. Сейчас я точно знаю, что всегда любила Тимура, пусть неправильной любовью, но любила.

- Кто знает, какая любовь правильная, какая нет, - философски рассудил я и четко выговорил, - вернемся к началу нашего разговора. Вы узнали, что Рошин несчастлив в браке. И решили найти подтверждение.

- Я не скрываю, что следила за ним, - с гонором заявила молодая женщина.

Если ею руководит месть, то она пойдет к следователю, выложит ему всю правду: когда, во сколько, где и зачем. И все дела. Но Ирина позвонила мне. Выходит, у нее есть сведения, которые помогут восстановить честное имя Рошина, что следователя Морозова совершенно не устраивает, у него есть подозреваемый и точка... Ну, давай, колись, милая, - мысленно призвал я Вельветову, не решаясь сказать нечто подобное вслух, чтобы не спугнуть.

Пока «инопланетное существо» собиралось с мыслями, я окунулся в свои размышления.

Кто-то очень хочет подставить Рошина. Именно этот злодей задушил старушку, причем ничего не взял из квартиры – а там было много чего ценного. Тем самым указал следствию на Тимура Рошина! Только Рошин мог не позариться на ценности, потому как именно ему отойдет всё имущество по завещанию. Грубо действует злодей, но доходчиво для тех, кто мыслит прямолинейно и не желает ломать голову. Теперь Тимур. Тимур не глуп, он бы обязательно умыкнул с места преступления какую-нибудь значимую вещь, причем не одну, чтобы оградить себя от подозрений.

Оказалось, что Ирина Вельветова снова о чем-то вещает, а я задумался и, скорее всего, пропустил что-то важное.

Прислушался к ее монологу и к моему полному удовольствию понял, что ничего путного не пропустил. Ира вспоминала прошлое, когда они с Тимуром учились в университете, а потом в аспирантуре, как им было интересно друг с другом...

Начали с конца, перескочили в начало. Чего еще ждать?

Я так выразительно посмотрел на свою собеседницу, что она сникла под моим взглядом и прикрыла рот. Потом промямлила:

- Извините, отвлеклась.

- Что вы, что вы, вы очень интересно рассказываете, - похвалил я неожиданно для самого себя. Наверное, одолела жалость к этой некрасивой женщине.
- Вот что я хотела вам сказать: Тимур ходил к Качинской по расписанию. Я знала, что в тот день он тоже будет у нее...
- Тимур всегда приходил и уходил в одно и то же время, навещал Ариадну Еремеевну в одни и те же дни недели? – встрял я со своим уточнением.
- Всегда в одни и те же дни, за редким исключением – когда надобность возникала. Приходил около семи, плюс-минус пять минут, а уходил по-разному. В тот день он вышел из подъезда в десять минут девятого, покрутил головой и пошел со двора. Я отправилась за ним на расстоянии. Порывалась его догнать, изобразить случайную встречу... Мне очень хотелось оказаться с ним рядом, проследить его реакцию. Но я... побоялась. Не хотела увидеть равнодушие в его глазах. Или того хуже – презрение.
- Вы дошли за Тимуром до его дома?
- Вечер был чудный. Тимур никуда не торопился. На улице было многолюдно, поэтому я не боялась, что Тимур меня заметит. Так мы добрались до его дома. Тридцать пять минут заняла прогулка от дома Качинской до дома Рощина.
- Вы следили за ним с секундомером? - спросил я, вспомнив свои пешие прогулки. В голосе не было никакой насмешки.
- У меня привычка такая – фиксировать время. Так поступают все преподаватели.
- Роцин вошел в подъезд, и вы тотчас ушли?
- Нет, я села на скамейку и принялась смотреть на его окна.
- Не знаете, Ольга была дома?
- Ее не было. Она вернулась ближе к десяти. Точнее - в девять сорок пять.
- Ирина, вы не покидали свой наблюдательный пункт?
- Я... покидала. Я... вошла в подъезд, подошла к квартире Тимура и... какое-то время стояла на пороге, прислушиваясь.
- И что вам удалось расслышать?

- Тимур покашливал, гремел кастрюлями на кухне. Больше ничего, не считая шумно работающего телевизора и детского крика в соседней квартире.
- Выходит, прогулка заняла тридцать пять минут, - задумчиво протянул я. - От Качинской он вышел в десять минут девятого. Получается, зашел в подъезд в сорок пять минут девятого, еще пять минут на подъем на этаж. Все сходится.
- Так все и было. Когда вернулась его жена, я...
- Вы снова оказались у квартирной двери, - помог я.
- Они ругались. Тимур обвинял жену в постоянных изменах, а она обзывала его неудачником...

Все обвинения с Тимура Олеговича Рощина были сняты. Мне удалось доказать его непричастность к убийству Качинской.

Через какое-то время газеты писали, что был задержан подозреваемый в убийстве Ариадны Еремеевны Качинской. Он якобы написал признательные показания, но на суде от своих показаний отказался, заявил, что признательные показания из него выбили силой. Начались разборки, то, се, но меня они мало занимали.

Через полгода Тимур Рощин вступил в наследство. Еще через полгода он иммигрировал в США. О судьбе Ольги Байрацкой мне не известно. Поговаривали, что она отправилась покорять столичные театры...

Прошло десять лет.

Однажды я получил письмо из Сан-Франциско.

Не скажу, что был ошарашен, прочитав написанное. Все эти годы я думал о деле Рощина, и пришел к выводу, что не все в этом деле так просто и гладко.

Ольга Байрацкая в письме призналась, что Ариадну Качинскую убил ее муж, Тимур Рощин. Они вместе разработали гениальный план.

Ольга дает показания, согласно которым ее муж обманул следствие: указал неправильное время возвращения домой, чтобы состряпать себе алиби. Показания Байрацкой принимают во внимание – вопиющий случай, и ее муж, Тимур Рощин, оказывается в следственном изоляторе. Родственница подозреваемого, чью роль исполнила талантливая актриса Байрацкая,

загримированная до неузнаваемости, находит амбициозного молодого адвоката, который ставит себе цель – выиграть дело и громко заявить о себе. Всего-то необходимо вывести из-под подозрения человека, против которого все улики и против которого настроен весь город.

Когда я приехал в театр и поговорил с коллегой Байрацкой, Ольга, пораскинув мозгами, решает выдать себя за молодое дарование Светлану Воронину, волею несчастного случая оказавшуюся на больничной койке. Ольга не имела отношения к аварии, впоследствии преступник был найден и осужден, но все посчитали его козлом отпущения – дескать Ольга ему хорошо заплатила и уговорила взять вину на себя.

Воронину я никогда не видел и, вообще, не знал о ее существовании до определенного времени. Этим и воспользовалась Байрацкая.

Скорее всего, Ольга, от имени неконкурентки, звонила мне из съемной квартиры в новом микрорайоне, рассчитывая на мой скорый звонок Ворониной. На всякий случай создала сторонний шум: чтобы я не узнал ее голос, которым она тоже виртуозно владела. Однако решила подстраховаться. Напомнила мне, что недавно имела со мной беседу, и направила меня к Светлане Ворониной, роль которой впоследствии так же успешно сама и сыграла.

Гениальная актриса и талантливый гример в одном лице! Меня обвели вокруг пальца! Успокаивало одно – я чувствовал фальшь. Хотя, это сомнительное успокоение.

После Ольге прекрасно удалась роль Ирины Вельветовой. Ольга заранее загримировалась под чучело, и они с Тимуром сделали совместное фото, которое мне представил сам Тимур, когда я заглянул к нему, чтобы поговорить о его бывшей возлюбленной. Тем самым Роцин якобы подтвердил личность Вельветовой, о которой я ничего не знал и никогда ее не видел.

Три роли и все удачные.

«Три в одном» создали алиби моему подзащитному и ему удалось избежать наказания.

«... Я никогда не написала бы вам всей правды, но теперь, когда Тимура больше нет, я обязана покаяться, - писала мне Ольга. – Мы попали с мужем в серьезную аварию, он погиб на месте, а я сильно покалечилась, долго лежала

в больнице, но медицина оказалась бессильной. Я скоро последую за Тимуром. Я знаю об этом, хотя, доктора пытаются вселить в меня уверенность в победе над болезнью... Никакие деньги мне не помогут. Мы сполна получили за свои грехи. Какие мы были идиоты. Как жаль, что нельзя повернуть жизнь вспять. Простите нас, Игнат Павлович, и не поминайте лихом».

Снизу была приписка.

«Тимур поступил так не только из-за денег, хотя, деньги сыграли немаловажную роль. Причина кроется в прошлом – это семейная история, которую пытались сохранить в тайне. Но со временем все тайное становится явным.

У Льва Качинского была любовная связь с молодой аспиранткой. Она родила от него ребенка и скончалась при родах. Лев Качинский хотел взять ребенка в свою семью, но его супруга Ариадна наотрез отказалась и пригрозила, что раструбит на весь свет о его развратном поведении. Ребенка отдали в дом малютки, а потом его усыновил друг Льва Качинского, Олег Рощин. Думаю, без настоятельной просьбы биологического отца ребенка не обошлось. Ариадна не знала, что младший сын Рощина – это ребенок ее мужа от аспирантки. Считала Тимура просто приемным сыном Льва Рощина, которого взяли в семью. Со временем она даже привязалась к мальчику, а мальчик не догадывался ни о чем. Но когда скончалась мать, а потом и отец, Тимур нашел личный дневник Льва Рощина, и узнал правду. А потом решил отомстить той, которая разлучила его с отцом.

Не хотела об этом писать и оправдывать наши действия, но потом подумала и решилась».

Вот тебе и сатисфакция... с умыслом...

Март 2021г.